

Такова была магия Чжу Мэя, Пятого из Шести Ужасов: магия, управляющая землей и позволяющая ее пользователю управлять движением цели! Это было волшебство, стоящее за таинственным волшебством, похожим на ловушку, которое заставило нас ходить по Лабиринтскому каньону, как мышей в лабиринте!

Это одна из двух самых завораживающих магий, используемых для манипулирования движениями, сказал Старый Шанг, а другая - Осенний Спад Отца. Так вот почему крестная мать хотела, чтобы я чему-то научился у Чжу Мэя, я размышлял. Волшебство отца было как сказка и миф от ушедшей эпохи к мне; я никогда не был бы в состоянии выполнить вещи, которые он мог сделать, и я не был бы в состоянии достигнуть подвигов, которые он сделал. Изучение магии Чжу Мэй, с другой стороны, казалось мне более реалистичным.

Все лежали в пьяном виде на полах крепости, когда пиршество закончилось. Бредовый и плохо обкачанный, Старый Шанг потянул меня за руку, попросив остаться еще на несколько дней. Я ничего не сказал. Тетя Улан все еще ждала нас, как и отец, который беспокоился о моем возвращении.

На следующее утро, с первыми лучами солнца, мы уехали от Старого Шанга и приготовились ехать обратно. Шанг младший провожал нас через ворота крепости и прощался с нами. Мы не поехали в Лабиринтский каньон, а скакали на полной скорости к лагерю тети Улан на юге. Странно, что мы увидели четкую арку ворот лагеря тети Улан еще до захода солнца вечером. Этого не может быть, я размышлял, если только... Это могла быть только чья-то работа: Чжу Мэй. Он бросил свою магию на нас, чтобы помочь нам добраться до лагеря тети Улан быстрее, чем обычно. Путешествие в Лабиринтский каньон заняло, по крайней мере, несколько дней, но мы смогли вернуться на то же расстояние всего за день. Чувствуя благодарность за его помощь, я остановился у ворот лагеря и дал глубокий поклон в сторону дальнего каньона. "Глубочайшая благодарность тебе, пятый дядя..." Я пробормотал, как однажды увидел Чжан Чжиги. И действительно, я слышал, как его узнаваемые рычаги эхо на расстоянии, прежде чем он быстро исчезал с заходом солнца в горы за его пределами.

Бросившись в лагерь, я спрыгнул с седла своей лошади, оставив его для других, в то время как я бросился в главный зал с другими, отстающими за моими каблуками.

Но главный зал лагеря был пуст. Мама снова сидела на крыше главного зала. К счастью, это был низкий сезон для лагеря, который иногда обеспечивал размещение туристов и туристско-рюкзачников. Я могла представить себе ужасные крики и удушье, если бы кто-нибудь увидел, как мама прыгает на крыше здания главного зала.

С кувырком Мать сбросилась с крыши и благополучно приземлилась на землю. С вытянутой рукой она сказала мне: "Дай мне Флягу Душ". Я пожимал плечами, ужасая ее детские выходки, когда она с игривой улыбкой взяла фляжку, прежде чем заметила мертвое выражение крестной матери позади нас...

На самом деле, именно крестная мать специально настояла на том, чтобы вернуться с нами в лагерь тети Улан, когда узнала, что Мать, войдя в него, помогает поддерживать тело тети

Улан. Она была заметно раздражена, когда услышала, как я говорю о матери. Но теперь, когда они встретились, крестная мать просто носила отчаянный хмурый вид, несмотря на все ее старания оставаться молчаливой. Она не сказала ни слова. Она была слишком подавлена, чтобы что-то сказать, зная, что Мать обладает гораздо большей силой, чем она.

Мать, однако, казалась едва ли взволнованной своим присутствием. С нежной улыбкой она сказала крестной: "Как ты? Прошло триста лет..." Слова глубоко поразили. Настолько глубоко, что Крестная замерла на том месте, где она стояла. Кольца красного цвета кружили ее глаза, как она делала все возможное, чтобы заглушить любые слезы. Мать повернулась и пошла к домику тети Улан, позволив крестной хотя бы спасти немного гордости.

Но я почти поняла, что чувствует крестная мать. Мать всегда была ее величайшей соперницей в их конкурсе за любовь отца. Но встретившись снова через столько лет, в тот самый момент, когда их глаза встретились, крестная действительно поняла, что нет никого, кроме мамы, кто был бы более достойным любви Отца. Это было ощущение поражения и беззакония, к которому не была бы невосприимчива даже бесноватая, имеющая сотни лет сил и опыта.

То, что происходило дальше, становилось все проще и быстрее: с Флягой Душ Мать восстановила душу тети Улан в своём физическом теле, в то время как она с нежным дуновением ветра ушла обратно в У Чжун. Тетя Улан вновь открыла глаза и слезы на глазах у всех присутствующих. Наконец, после стольких лет, тетя Улан поправилась! Ее глаза открылись, и я был первым человеком, на которого они положили. Дрожащая, ее хрупкая рука вытянулась ко мне и ласкала мою щеку. Должно быть так много вещей, о которых она хотела поговорить со мной, что ее глаза тоже промокли от материнской любви.

Слезы стекали по моей щеке. Я никак не мог их сдержать. Прислонившись к ее кровати, я обхватил ее руками и сказал: "Все в порядке, мама. Теперь все хорошо". Тетя Улан кивнул обильно, ее глаза медленно переливались слезами радости, как она улыбалась блаженно. Ее лицо было бледным, как снег, симптом, который можно было объяснить только длительным отсутствием духа в ее теле. Она была еще слишком слаба, чтобы двигаться. "Отдохни, мама, - сказал я ей, - Поспи немного. Я пока буду рядом, чтобы сопровождать тебя". Она снова кивнула, до сих пор с любовью лучится, пока не заснула.

Пока она спала, я помахала всем, чтобы тихо выйти из ее хижины. Мы тихо перетасовались, стирая слезы с глаз. Звонили из столовой лагеря, объявив, что еда готова. Впервые за весь день я почувствовала, как мой желудок стонет от голода. Мы ехали весь день, жевали только пайки в спешке, чтобы вернуться, что мы совсем забыли поесть.

В мучительной погоне за спасением тети Улан, начиная с нашей борьбы с Ха'ри Наохаи, мы едва отдохнули. В конце концов, мы смогли наконец-то сесть и поговорить более неторопливо. Во время ужина я познакомил всех с крестной матерью, которая была поражена и ошеломлена ее юношеской внешностью. Я поспешно предвосхитил ее, сказав, что она умела маскировать, а не раскрывать правду о том, что она была более чем трехсотлетним демоном.

Несмотря на то, что она проводила большую часть своего времени вдали от цивилизации, Крестная не была чужой в общении с людьми. Ей не потребовалось много времени, чтобы

общаться с девушками в лагере тети Улан. За время, проведенное за ужином, она сумела подобраться к ним поближе, чтобы все в лагере приветствовали ее как одну из своих. Но никто не воспринял всерьез ее весенний девичий облик, так как ее поведение и нравы заставляли ее больше походить на давно потерянную старшую сестру для всех них.

Ее болтливое многословие постоянно держало ее занятой, потакая бесконечным сплетням с каждым, кто подбирался к ней в радиусе метра, и срыгивая сплетни за сплетнями о ее приключениях, которые она даже размышляла всем обо всем, что было между мной и Эдельвайсом! Это было подкреплено её мнением, что ранчо тётки Улан было похоже на дом семьи Эдельвайс, и, что ещё хуже, она верила, что пришло время начать дискуссию о подготовке к браку...

С помощью крестной мамы история о нас с Эдельвайсом распространилась по всему ранчо, как зараза, что некоторые девушки даже начали следить за тем, чтобы у нас было достаточно ягнят на банкет! Но будучи одиноким мужчиной всю мою жизнь, супружеская жизнь посылает дрожь по моему позвоночнику. Это было что-то, что было так далеко, как звезды, висящие над нами, гораздо меньше думают всерьез. Ссылаясь на здоровье тётки Улан, я умолял всех, чтобы мы заранее откладывали любые приготовления к браку. Объект будет снова раскрыт только после того, как ей станет лучше.

Неизвестно, но это было всего лишь притворство, что я откладываю всё, как только могу, в надежде на то, что пыл и энтузиазм постепенно устанут. Если бы тетя Улан действительно услышала об этом, она, возможно, буквально с волнением высказывала бы из своей постели. Нам с Эдельвайсом нужно было больше времени, чтобы понять друг друга. Брак - это то, что я рассматривал со всей серьезностью.

Дни проходили медленно на ранчо тётки Улан, так как её здоровье медленно улучшалось. Неделя пролетела быстро, после чего я получил повестку от крестной матери и тети Улан, приказав мне встретиться с ними в главном зале ее лагеря. В конце концов, в день расплаты, я растерялась, крёстная, должно быть, проговорила к тётке Улан!

За одну неделю крестная мама и тетя Улан стали настолько невероятно близки, что крестная решила переехать из своего логова, чтобы жить в лагере! Это была идея тети Улан, что две "сестры" должны остаться вместе. Крёстная даже согласилась научить её магии менять внешность, указав, что она, как старшая сестра, должна преподнести подарок младшей сестре за такую огромную услугу. Это было решение, к которому пришла тетя Улан после того, как узнала от меня все о крестной матери, что я раскрыла правдиво, особенно о ее реальном состоянии как бесноватой, обладающей магическими способностями.

Крестная мать, должно быть, слила мой роман с Эдельвайсом к тете Улан, видя, как она полностью восстановилась. Как и ожидалось, тетя Улан была в восторге, когда услышала об этом. К моему ужасу, мои страхи сбылись. Как только я вошел в ее главный холл, она с радостью достала меня, привезла Эдельвайс домой, чтобы встретиться с моими родителями.

Как раз тогда, когда я почти мог представить себе выражение моих родителей, тетя Улан сказала: "Ала для меня как дочь! Очень важно, чтобы мы с твоими родителями встретились,

чтобы обсудить твою помолвку!"

<http://tl.rulate.ru/book/34841/1019785>